

ЧАСТЬ 1. ФРАЗЕОРЕСУРСЫ

УДК 821.161.1-191:81'373

DOI: 10.22363/2313-2299-2019-10-2-238-255

ЦИТАТЫ ИЗ БАСЕН ИВАНА АНДРЕЕВИЧА КРЫЛОВА В РУССКОЙ РЕЧИ (К 250-ЛЕТИЮ СО ДНЯ РОЖДЕНИЯ)

К.П. Сидоренко

Российский государственный педагогический университет им. А.И. Герцена
Набережная реки Мойки, д. 48, Санкт-Петербург, Россия, 191186

Статья посвящена некоторым вопросам функционирования цитатных единиц из басен И.А. Крылова (собственно цитат, литературных образов, крылатых выражений и созданных на их базе фразеологизмов). Авторское слово рассматривается с позиций интертекстовой динамики, учитывающей комплекс проблем интертекстовой деривации, связанной с вариантносью, нормативной подвижностью, частотностью, фразеологизованностью, сегментацией, ассоциативной активностью, полидискурсивностью, многообразием и противоречивостью иллюстративных контекстов. Выделяются типы интертекстовых контаминаций на фоне контаминаций фразеологических. Особо рассматривается вопрос о басенных образах как интертекстовых единицах. Интертекстовая энергия басен Крылова, входящих в круг русской словесной культуры, направлена от исходной морали как основы произведения к вовлечению в явное или скрытое цитирование фрагментов, соотносимых с нарративными проводниками, косвенной событийностью, развитием разнообразных структурно-семантических парадигм и основана на определенной организации используемых выражений. Описание интертекстовых единиц может быть ориентировано на два пути учета и обработки материала. Во-первых, это обращение к «ядерной» части круга словесной культуры. Количество произведений того или иного автора здесь обычно относительно невелико, но велико количество самих авторов, представленных в словарях. В сборниках крылатых выражений Крылову в целом посвящено примерно 50—60 словарных статей. Во-вторых, возможны издания, посвященные интертекстовому потенциалу одного автора, когда учитывается практически всё или почти всё, что выходит за рамки исходного текста, количество словарных статей увеличивается в разы, что позволяет определить статус авторской идиоматики в интертекстовой картине мира. В этом случае становится возможным осмыслить цитирование в широком понимании как употребление авторского слова за рамками авторского текста. Учету подлежат разнородные цитатные единства: фразеологизмы, паремии, собственно цитаты, нередко обыгрываемые, слова-сегменты этих единств, литературные образы. Интертекстовая динамика является функциональным условием жизни этого материала. Это прежде всего многочисленные изменения, фразеосемантическое моделирование, сегментация, дисперсность, фразеологическое и интертекстовое контаминирование, ассоциативная подвижность. Показательно, что прошедшие два века показали последовательную преемственность и значительное типологическое сходство в чередовании бесконечных употреблений басенного слова Крылова.

Ключевые слова: цитата, интертекстовая единица, интертекстовое пространство, фразеологизм, сегментация, функциональная дисперсия, контаминация, ассоциативность, полидискурсивность

ВВЕДЕНИЕ

Цитатные единицы как особый объект изучения последовательно рассматривались в теоретических работах по истории русского литературного языка, фразеологии и лингвокультурологии [1—5].

Басни Крылова условно можно разделить на известные или относительно известные, точно или приблизительно узнаваемые, цитатные единицы из которых воспринимаются как крылатые выражения (фразеологизмы, поговорки), и «необщезвестные», полузабытые или забытые, известные обычно тому, кто специально занимается Крыловым.

К первой группе относятся, например, «Ворона и Лисица» (*в зобу дыханье спёрло*), «Слон и Моська» (*ай Моська! знать, она сильна, что лает на Слона*), «Квартет» (*пленишь своим искусством свет*), «Лебедь, Щука и Рак» (*да только воз и ныне там*), «Ларчик» (*а ларчик просто открывался*), «Кот и Повар» (*а Васька слушает, да ест*), «Волк на псарне» (*волк, ночью, думая залезть в овчарню, попал на псарню*), «Любопытный» (*слона-то я и не заметил*) и др. Они дают как устойчивые выражения, так и свободные цитаты, но в целом обилие таких вроде бы случайных употреблений весьма внушительно.

Ко второй группе можно отнести такие произведения, как «Медведь в сетях» (*так лучше бы ты мертвых ел и оставлял живых в покое*), «Мор зверей» (*кто посмирней, так тот и виноват*), «Огородник и Философ» (*великий краснойбай, названный друг природы*), «Пестрые Овцы» (*лев бы и хорош, да всё злодеи волки*) и др. Корпус басен Крылова объединен автором в 9 книг (около двухсот), некоторые публикуются в собраниях сочинений поэта как приложение [6]. Обработка художественных, публицистических, учебных, научно-популярных и научных текстов, словарей, писем, ресурсов Интернета показала, что большинство басен Крылова так или иначе отразились в русской интертекстовой динамике и могут быть объектом лексикографической систематизации [7].

1. ВЕКТОРЫ ИНТЕРТЕКСТОВОЙ ДЕРИВАЦИИ

Лингвистическое осмысление материала позволяет утверждать, что интертекстовая деривация идет по двум направлениям: во-первых, выделяются случаи, когда основой интертекстового шага является смысловая доминанта, нравоучительная основа басни обыгрывается и применяется расширительно; во-вторых, когда смысловая доминанта пересекается с новым контекстом условно, занимает фоновое положение или размывается, при этом на первый план выходят текстовые актуализаторы басенной морали. Возникает вопрос о содержательной доминанте или доминантах текста-источника, которые «представляют собой своего рода метатекст» [8. С. 115]. Соответственно к первой группе можно отнести, например, выражение *а где настух дурак, там и собаки дуры* («Волк и Волчонок»), слова Волка, который начал Волчонок *приучать отцовским промыслом питаться*:

[Загол.] *Кто остановит собак убийц?* [В тексте] *Не проходит и месяца, чтобы из какого-нибудь российского города не пришла трагическая новость о нападении собаки на человека* (К. Ильин. Угличская газета. 2008. 8 апреля). [В реакции посетителей сайта] *А где настух дурак, там и собаки дуры!* (И.А. Крылов. URL: <http://uglich.ru <2008>>).

Вместе с тем слова из басни «Щука» и *Щуку бросили в реку*, исходно употребляющиеся в иронической характеристике наказания, обернувшегося благом, встречаем в заметке о разведении рыб, что не имеет отношения к басенной морали:

В Киеве сенсационно бросят щуку в реку. Второго декабря, впервые за 28 лет, в Киеве пройдет «зарыбление» аборигенными видами рыб (Новости по-киевски. 2009. 27 ноября).

Типологическим пределом функциональных вариаций можно считать многочисленные иллюстрации в научной и научно-популярной литературе.

Комплексный подход, в том числе уровневая характеристика, может быть рассмотрен как аспект при определении соотношения языковой единицы с соответствующим источником. Так, М. Рак обращает внимание на такую методику при характеристике польских регионализмов [9. С. 161—170].

Так, в ряду примеров существительных со значением собирательности (типа «хламье», «мужичье», «вишенье» и т.п.) встречаем *оконье* («Фортуна и Нищий»):

Существительные среднего рода с суффиксом [-j] (орфографически слова на -ье) имеют собирательное значение «группа однородных лиц, предметов, названных мотивирующим словом»... оконье: бедняжка-нищенкий под оконьем таскался» (Крылов. Русская грамматика <1982>).

2. ФРАЗЕОЛОГИЗИРОВАННОСТЬ ЦИТАТНОЙ ЕДИНИЦЫ

Основу корпуса цитат, восходящих к басням Крылова, составляют выражения, соотносимые, прежде всего, с традиционным фразеологическим материалом в широком понимании. Даже редкие выражения, по сути, являются потенциальными фразеологизмами или поговорками и могут употребляться совершенно естественно, производя впечатление чего-то «своего», знакомого. Так, готовую поговорку представляет собой выражение из басни «Лев и Барс» в оценке неискренней поддержки, лукавой похвалы:

Обсуждая разногласия [Московского Патриархата с Русской Православной церковью за рубежом]... думаю, что этого автора вполне можно отнести к «нейтральному» обозревателю, памятуя при этом известную мораль басни Крылова: «Кого нам хвалит враг, в том, верно, проку нет» (Н. Шевельчинский. «Всяк человек ложь». Православная Русь. 2004. № 18).

Примеры афористических высказываний такого рода весьма многочисленны, например: *быть сильным хорошо, быть умным лучше вдвое* («Лев и Человек»); *а мне, за песни и за сон, не надобен ни миллион* («Откупщик и Сапожник»); *погода к осени дождливей, а люди к старости болтливей* («Плотичка»); *с разбором выбирай друзей, когда корысть себя личиной дружбы кроет* («Роцца и Огонь»); *свежесть лишь вода движеньем сохраняет* («Пруд и Река»); *сила без ума сокровище плохое* («Лев и Человек»); *худые песни Соловью в когтях у Кошки* («Кошка и Соловей»); *чем больше чистит он, тем только больше пятен* («Голик»); *чем нравом кто дурней, тем более кричит и ропщет на людей* («Волк и Кукушка») и др.

3. СТЕПЕНЬ ЦИТАТНОСТИ

Регулярно встречаются функциональные варианты басенных отрывков: это и прямая цитата с отсылкой к Крылову, и заковыченные слова, и цитата скрытая, и фрагмент полного высказывания, выполняющий функцию аллюзии или реминисценции. Нередко басенный фрагмент вводится с изменениями, нарушением точности цитирования, что является одним из законов текстовой адаптации «чужого слова». Так, слова *уж брать, так брать, а то и когти что марасть* («Вороненок») были в измененном виде употреблены А.С. Пушкиным в значении «если уж предпринимать что-л., так что-то важное, существенное»:

Если я друзей моих не слишком отучил от ходатайства, вероятно, они вспомнят обо мне <...> Если брать, так брать — не то, что и совести марасть — ради бога, не просить у царя позволения жить в Опочке или в Риге; черт ли в них? а просить или о въезде в столицы, или о чужих краях (А.С. Пушкин — П.А. Плетневу, 4—6 декабря 1825 г.).

Подобное свободное цитирование свидетельствуют о глубине вхождения авторского слова в живую речь.

Иногда встречается лишь намек на текст Крылова, заместитель собственно цитаты. Например, басня «Оракул» заканчивается моралью: *«Судей таких видали, Которые весьма умны бывали, Пока у них был умный секретарь»*. У Пушкина встречаем отсылку к басне в стихотворении «Послание к цензору», причем интертекстовый шаг поддерживается и композиционным сходством (финал стихотворения):

*И службою своей ты нужен для царя,
Хоть умного себе возьми секретаря.*

Свободное обыгрывание Крылова Пушкиным не редкость. Так, слова из басни «Лисица и Осел» *и я его лягнул: пускай ослиные копыта знает* («о смелости перед некогда сильным противником») дают сегментацию цитаты:

*...Геральдического льва
Демократическим копытом
У нас лягает и осёл:
Дух века вот куда зашёл!
(А.С. Пушкин. Езерский)*

Ср. также близкие типологически интертекстовые вкрапления, соотносимые с текстом басни «Мартышка и Очки» (*очков с полдюжины себе она достала*), неоднократно употребленных при описании сложностей подбора очков, например:

[Загол.] *«Где достала очки мартышка?» «Очкарики» остались недовольны»* (Лит. газета. 1986. № 26).

Обилие инотекстовых вкраплений стимулирует возникновение «скрытых смыслов» [10. С. 581] и многочисленные трансформации [11. С. 236].

4. СЕГМЕНТАЦИЯ ЦИТАТНОЙ ЕДИНИЦЫ

Автономность цитатной единицы возникает вследствие «дробления текста» [12. С. 176], при этом цитатный фрагмент стремится к функциональной самостоятельности. Например, слова **а смотришь, помаленьку то домик выстроит, то купит деревеньку** («Лисица и Сурок») употребляются в иронической оценке нечистых на руку предпринимателей, политиков, в осуждении корысти, прикрываемой патриотизмом и т.п. Исходное единство сохраняется, хотя скрытая цитата употребляется усеченно:

*...Науки и словесность у нас в самом блистательном состоянии. Укажу вам на книгопродавцев. **Посмотрите**, как они разживаются: **то домик выстроят, то купят деревеньку**. Чем же? Торговлею. Какою? Книжною (К.Н. Батюшков. Похвальное слово сну. Письмо к редактору «Вестника Европы» <1816>).*

Типичным будет и разделение поговорки на два сегмента:

Имя «патриот» — как награда от потомков предкам. Если же человек сам себя одевает в имя «патриот» — это всё равно, что он присваивает чужие награды... Не похоже ли это на некоторых отечественных «патриотов», не стесняющихся одевать майки с гербом РФ, но при этом «выстраивающих домики», то бишь виллы, на чужих морских берегах и «скупающих деревеньки», то бишь земли, по всей России! (А. Степанисhev. Патриотизм — последнее прибежище негодяев?) (интернет-газета ZONA KZ. 2009. 23 дек. URL: <http://rusedin.ru/author/stepanishev/index.html>).

Названия музыкальных инструментов в басне «Квартет» (**достали нот, баса, альты, две скрипки**) получают автономный интертекстовый статус и могут обрабатываться как вокабульные единицы, например:

*Вы, конечно, знаете эту басню Крылова. Называется она «Квартет». Слово это имеет не одно значение. Как и название интервала — кварта... оно происходит от латинского *quartus* — четвертый. Что называют словом «квартет»? Прочтите снова строки басни: «**Затеяли сыграть квартет...**» Значит, прежде всего, **квартет** — это название произведения... Наиболее часто квартеты пишут для **двух скрипок, альты и виолончели**. Крылов имел в виду именно такой **квартет**: «**басом**» раньше называли **виолончель** (Л.В. Михеева. Музыкальный словарь в рассказах <2009>).*

5. МОНОДИСКУРСИВНОСТЬ И ПОЛИДИСКУРСИВНОСТЬ ЦИТАТНОЙ ЕДИНИЦЫ

Рассмотрение текста как художественного феномена предполагает осмысление его «внедрения» в новые контексты-дискурсы. Басенное творчество Крылова в этом отношении обладает несомненными особенностями. Содержание и цитатный потенциал ряда басен универсален, т.е. полидискурсивен, может быть применен к открытому ряду контекстов, свободно расширяет интертекстовое пространство. Возникает сочетание различных дискурсов, что определяет особенности рассмотрения басенного текста как ресурса интертекста. Так, художественные достоинства и патриотическая основа басни «Волк на псарне» определили чрезвычайную популярность этого произведения. Это едва ли не единственная басня Крылова, которая в учебных пособиях последовательно комментировалась прежде

всего в контексте Отечественной войны 1812 года [13. С. 29]. Однако необходимость комментирования басен Крылова, часто создававшихся как реакция на конкретные события, возникает уже в XIX в. [14. С. 4]: исходный дискурс-контекст, необходимый для адекватного восприятия содержания произведения в соответствии с авторским замыслом, уходит в содержательную периферию. Так произошло, например, с известной басней «Демьянова уха», при этом ее место в круге словесной культуры только упрочилось. Басня «Волк на псарне» занимает несколько иное положение. Собственно событийная ее основа сводится к следующему: агрессор превращается в жертву в результате просчета; смертельная опасность нависает над агрессором; следует категорический отказ от примирения, предлагаемого агрессором для своего спасения. Однако этим содержание басни не исчерпывается, нарративные сопроводители в развитии полидискурсивности начинают преобладать в цитировании: периферийные для смысловой доминанты басни интертекстовые единицы по употреблению могут превосходить опорные сегменты текста [15. С. 27].

Участки, реализующие полидискурсивность интертекстовых единиц (здесь — цитат), сводятся к следующему:

1. Историческая основа (контекст) басни как актуализация исходного дискурса. Первые цитации басни, в дальнейшем многократно воспроизводимые, связаны с отражением событий Отечественной войны 1812 г. Например:

*Однажды, после сражений под Красным, объехав с трофеями всю армию, полководец сел на открытом воздухе, среди приближённых к нему генералов и многих офицеров, вынул из кармана рукописную басню И.А. Крылова и прочел ее вслух. При словах: «**Ты сер, а я, приятель, сед**», произнесённых им с особенною выразительностью, он снял фуражку и указал на свои седины (И.И. Быстров. Отрывки из записок моих об Иване Андреевиче Крылове <1846>).*

Этот случай получает дальнейшую литературную обработку, басня пересказывается, сопровождаясь точными или свободными цитатами.

2. Бытовые происшествия, частная жизнь, текущие события, разного рода курьезы. В частности:

Волк попал не на псарню и не в овчарню; он просто затесался в казармы, на полковой двор, и, перескочив через забор, забежал прямо в швальню (В.И. Даль. Сказка о Георгии Храбром и о волке <1836>);

*Минувшей ночью французский военный корабль был атакован сомалийскими пиратами, которые были взяты в плен. Так им и надо. **Волк, думая залезть в овчарню, попал на псарню** (URL: <http://diana-bosch.livejournal.com> <2009>);*

*Дорогой Гриша! Прости, что долго не писал (**забудем прошлое, усталим обобщий лад**) (С.А. Есенин — Г.А. Панфилову, конец февраля — март 1913).*

Последовательно басня цитируется в применении к России XXI в.:

*После Сталина, после сталинского поколения руководителей новые руководители в силу естественных причин уже не имели необходимого жизненного опыта, чтобы достаточно принципиально сказать в адрес Запада: «**Ты сер, а я, приятель, сед, и волчью ващу я давно натуру знаю**» (О.С. Шенин. Мужской разговор // Дуэль. 2007. 30 янв.).*

Содержание басни может присутствовать в контексте крыловской афористики как вопрос-загадка, дающий метатекстовый комментарий:

Эти притчи звериного стиля [басни Крылова] содержат большие идеологии, нежели политические системы, экономические теории и этнические выкладки. <...> Жизнь в бюрократической машине — это «Волк на псарне». Влезет в овчарню какой клан сдуру, а там пасутся силовые псы — псаря кричат: «ахти, ребята, вор! и миг ворота на запор; в минуту псарня стала адом». Возникает дело за превышения или злоупотребления (О. Судаков. Звериный код государства <2009>).

3. В учебно-методических или научных материалах:

...И вместо растерянности, отчаяния, просьб мы слышим величественное начало стиха, точно заговорил император: «И начал так: «Друзья, к чему весь этот шум?» Здесь не только величественно это «и начал так», точно речь идет о спокойном и очень торжественном начале (Л.С. Выготский. Психология искусства <1987>);

Наступление Волка прерывает решительное контрнаступление распоряжающегося инициативой сильного и хорошо осведомлённого Ловчего («ставить на место»), его доводит до конца «гончих стая». Прямолинейный и шурум Ловчего тем более необходим, чем красноречивее, хитрее, умнее и сильнее Волк (А.П. Ершова. Режиссура как практическая психология <2010>).

Интертекстовый потенциал басни этим не исчерпывается, и ее функциональный ряд остается открытым.

6. АССОЦИАТИВНАЯ ПОДВИЖНОСТЬ ЦИТАТЫ

Сила басенного текста Крылова такова, что цитата может возникать как реакция на тему, слово и т.п. В результате образуются ассоциативные структуры, обладающие интертекстовой самодостаточностью: в словаре крылатых выражений в этом случае дефиниция может сводиться к комментарию типа «как реакция на...». Здесь типичным будет разбивавшееся выше положение о том, когда цитатный фрагмент не соотносится с басенной содержательной доминантой и опирается на нарративные сопроводители.

Нередко слово-сегмент в буквальном значении выступает как текстовый стимул. Например:

Название блюда (*уха*) последовательно дает реакцию *демянова уха*, исходное значение — «назойливое угощение или услужливость», являющееся основой басни «Демьянова уха», выступает лишь как интертекстовый фон:

В январе мы начали уже помышлять об обеде, который хотели дать у себя в день рождения Ивана Андреевича <...> Разумеется, была стерляжья уха под именем демьяновой ухи и всё, что можно было придумать тонкого, роскошного и вместе соответствующего гастрономическим вкусам Крылова (Е.А. Карлгоф. Жизнь прожить — не поле перейти <1881>).

Не случайны многочисленные названия ресторанов рыбной кухни под названием «Демьянова уха». Отметим, что имена собственные у Крылова образуют свою весьма витиеватую систему и заслуживают особого изучения с позиций интертекстематики. Весьма перспективным представляется развитие «поэтонимо-

графии как нового направления авторской лексикографии» [16. С. 39], изучающей онимную составляющую языка писателя.

Иногда интертекстовая единица вводится как реакция на двойной стимул. Так, начало басни «Петух и Жемчужное Зерно» (*навозну кучу разрывая, Петух нашёл Жемчужное Зерно*) разделяется, образуя ассоциативную структуру, осложненную текстовой парадигмой стимула (*жемчужное зерно > жемчуг > золотой зуб*). Оба стимула (*жемчужное зерно* и *навозна куча*) соотносятся и с универбацией (*жемчужное зерно > жемчуг, навозна куча > навоз*), актуализирующей бытовую конкретику:

Новая перспектива: свобода в жемчуге: У доктора Смирнова на виду золотой зуб. «Спрячьте его, а то реквизируют». — «Я нарочно показываю, хочу поменять на навоз. Вот, братец мой, навозу-то! Всё навоз и навоз!» — «Наверно, есть, петух, помните! нашёл жемчужное зерно!» Доктор не понял меня и не мог понять (М.М. Пришвин. Дневники. 1920).

В свою очередь, стимул может соотноситься с двумя баснями (реакциями). Ассоциативное стремление микротекста к мегатексту (басня > книга басен) дает расширение интертекстового пространства и возникновение стимула, соотносящегося с двумя баснями («Зеркало и Обезьяна» и «Обезьяны»):

«Слушай, ты понимаешь, что твой ученик — обезьяна? Только что спрыгнул с ветки, да зацепился навеки, на ней и останется! Природу не перевернешь. Дедушка Крылов что говорил? Я удавилась бы с тоски, когда бы на нее чуть-чуть была похожа... — „Зеркало и Обезьяна“, вспомнила?» — «Кто обезьян видал, те знают, как жадно всё они перенимают... — „Обезьяны“, — парировала Лиза. — В последних изданиях — хоть чуть, чтобы ты знала! (Анафема. Правдивая история-буфф <2009>. URL: <http://www.russianlife.nl/anafema.htm>).

При употреблении цитатных вкраплений типичным будет нивелирование предметной конкретики стимула. Ситуативная соотнесенность слова, совпадающего с сегментом цитаты, ослабляется, размывается. Например, в статье о проблемах промышленного производства *сыра* встречаем:

В ней [басне «Ворона и Лисица»], как известно, фигурирует кусочек сыра. В нашей же современной версии — более полутора тысяч тонн сыров твердых <...> В результате чего три открытых акционерных общества недополучили порядка 1,1 миллиарда рублей. Выходит, руководители стали неким подобием крыловской вороны, которая, поймавшись на уловку лисы, из собственного рта уронила кусочек сыра (Рэспубліка [Беларусь]. 2008. 24 апр.).

Также достаточно регулярно встречается словообразовательное усложнение стимула. Заключительные слова басни «Стрекоза и Муравей» (*Ты всё пела? Это дело: Так поди же, попляши!*) образуют интертекстовую ассоциативную структуру в результате деления цитаты на вопрос и ответ, соответствующие стимулу и реакции. При этом в новом тексте собственно стимул может быть соотнесен с сегментом цитаты через словообразовательный шаг (*пела > песня, певец*):

[Загол.] *Так поди же, попляши!* [В тексте] *Суд Пензы признал студента местного приборостроительного колледжа виновным в публичном унижении и оскорблении преподавателей. Осенью прошлого года обвиняемый разместил в Интернете*

нецензурную *песню* для свободного скачивания, в которой последними словами называл сотрудников колледжа <...> В итоге «*певца*» приговорили к шести месяцам исправительных работ (Учительская газета. 2008. 5 мая).

Таким образом реализуются «эвфемистические возможности» фразеологической периферии [17. С. 401—404], к которой можно отнести и исследуемый нами материал, функциональным условием которого является многомерная трансформация, приспособление исходных образов, характерных для фразеологии и паремииологии [18—21].

7. КОНТАМИНАЦИЯ ФРАЗЕОЛОГИЧЕСКАЯ И КОНТАМИНАЦИЯ ИНТЕРТЕКСТОВАЯ

Еще одной функциональной особенностью цитатного материала является контаминирование, т.е. объединение в речи двух и более интертекстовых единиц. Фразеологическое контаминирование осмыслялось лингвистами по-разному. А.М. Бабкин писал о контаминации как о явлении, приводящем к образованию новой фразеологической единицы [22. С. 104]. Резко полемизируя с этой точкой зрения, А.И. Молотков воспринимал контаминацию как неправильность, которая объясняется «плохим знанием говорящим фразеологии русского языка» [23. С. 203]. Обе точки зрения, по сути, показывают два аспекта этого явления — фразеологическую деривацию в широком понимании, сопровождающуюся необходимой структурно-семантической модификацией [24, 25] которая закономерно сталкивается с сопротивлением фразеологической нормы, кодифицированной во фразеографии.

Интертекстовое контаминирование дает новое единство цитатного характера, когда собственно фразеологический аспект является только частью вопроса. Крайними случаями проявления такого объединения будут, с одной стороны, наложение или соединение цитатных фрагментов (контактная контаминация) и, с другой — наличие двух и более отделенных друг от друга цитатных фрагментов (дистантная контаминация), т.е. отсутствие линейной целостности, синтагматическая дисперсия. Цитатный континуум в данном случае можно понимать как совокупность цитат разного типа и разного происхождения в рамках анализируемого текста (текстового фрагмента), интертекстовое пространство при этом организуется как интертекстовое поле. Континуум и контаминирование нередко функционально совмещаются и взаимодействуют. Фразеологическая контаминация может быть только контактной (за исключением случаев текстового обыгрывания), тогда как контаминирование цитатных единиц допускает введение разделенных цитатных вкраплений, дающих «эффект» интертекстовой целостности.

При учете источников объединенных единиц представляется целесообразным разграничивать микротекстовую, мегатекстовую и макротекстовую типы контаминаций.

Микротекстовая контаминация — объединение фрагментов, восходящих к одной басне. Микротекст — автономная текстовая единица, включенная в состав мегатекста, в нашем случае это «басня — собрание басен». Очевидно, что подоб-

ное инклюзивное соотношение вариативно. Так, собрание басен И.А. Крылова разделяется на девять книг, однако в массовых изданиях такое деление, как правило, не соблюдается, и избранные басни даются как целостное собрание, не распределяющееся по книгам. Как показывает наш опыт, авторское разделение басен на книги в рамках собрания обычно не имеет значения и в интертекстовой динамике ослаблено.

Популярное выражение *лебедь, рак и щука* (в шуточной оценке несогласованности усилий при решении общих задач) является соединением названия басни «*Лебедь, Щука и Рак*» с первым стихом «*Однажды Лебедь, Рак да Щука*». При этом в свободном употреблении «*Лебедь, Рак и Щука*» нередко выступают как название самой басни. Вместе с тем два цитатных фрагмента в каждом случае не теряют своей идентичности, входя в цитатный континуум (в предложение вводятся измененные слова заключения басни — «*Да только воз и ныне там*»):

Послушаешь, например, дебаты наших парламентариев и сразу вспоминаешь легендарное «Лебедь, Рак и Щука», — и становится понятным, почему экономический воз нашей страны всё топчется на одном месте (В. Лебедева. Возвращение к истокам. Христианский сайт «Для ТЕБЯ». 1998. 1 мая. URL: <http://www.foru.ru/article.21.html>).

Фрагменты басни в новом тексте разграничены, возникает контаминация дистантная.

Объединение исходно несмежных стихов басни «Ворона и Лисица» с неточностями, свойственными свободному цитированию, можно квалифицировать как контактную микротекстовую контаминацию («*Уж сколько раз твердили миру, Что лесть гнусна, вредна; но только всё не впрок*»):

Уж сколько раз твердили миру, да только всё не впрок. Мы очень любим наступать на те же грабли (URL: <http://zsite.narod.ru> <2008>).

Ср. пример совмещения цитатного континуума с микротекстовой контаминацией, также основанной на усечении исходного фрагмента как следствия свободного цитирования (*Свинья под Дубом* + *Свинья под Дубом вековым Наелась желудей досыта, до отвала; Наевшись, выпалась под ним; Потом, глаза продравши, встала И рылом подрывать у Дуба корни стала*):

В известной басне «Свинья под Дубом», в которой, как оказалось, описывается базовый стереотип поведения украинской политической элиты, главная героиня, нажравшись желудей, принялась подрывать своим рылом у дуба корни (А. Окара. Украинские волки против человеко-свиней. Истеблишмент. Запорожская газета, хроника настоящего. URL: <http://establishment.com.ua/articles> <2007>).

Мегатекстовая контаминация. Мегатекст — объединение микротекстов, в нашем случае — собрание басен. В этом случае нередко толчком для введения цитаты может быть текстовый стимул, слово, соотносимое с двумя и более микротекстами.

Как намек на две басни И.А. Крылова («Слон на воеводстве» — *В родню был толст, Да не в родню был прост*; «Муха и Пчела» — *За мною только лишь*

и дела: Лететь по балам, по гостям... Когда б ты видела, как я пирую там!
можно воспринимать противопоставление «**муха — слон**» в письме Н.В. Гоголя:

[В характ. И.А. Крылова] *Крылова нигде не попал [так в источн.], чтобы напомнить ему за портрет. Этот блюдолиз, несмотря на то, что породю слон, летает как муха по обедам* (Н.В. Гоголь — М.П. Погодину, 20 февр. 1833 г.).

Макротекстовая контаминация. Макротекст — «Совокупность высказываний или текстов, объединенных содержательно или ситуативно, а также связанных на основе структурно-композиционного и культурного единства», «объединение всех существующих в культурном пространстве текстов» [26. С. 216].

Например, объединение измененной скрытой цитаты из «Русалки» Пушкина (**Невольню к этим грустным берегам Меня влечёт неведомая сила**) со словами из басни Крылова (**Крестьянин ахнуть не успел, Как на него медведь насел**) дает макротекстовую контаминацию, основанную на связях внутри круга словесной культуры:

В писании сказано: Он ахнуть не успел, как на него медведь насел. Так и я: Ахнуть не успел, как уже невидимая сила опять влечёт меня в таинственную даль. Сегодня еду в Петербург, оттуда в Берлин и так далее (А.П. Чехов — М.В. Киселевой, 11 марта 1891 г.).

Примеры расширения интертекстового пространства довольно многочисленны. Соотносимый с двумя разными текстами глагол **внимать** дает сочетание вкраплений из басни «Осел и Соловей» и стихотворения А.С. Пушкина «История стихотворца» в шуточной оценке способов выражения мыслей, чувств:

«Свисток» явился просто и скромно, без официальных [так в источнике] представлений; высказал свою задачу, заявил свои тенденции, и — зацелкал, засвистал на тысячу ладов» [«Осел и Соловей»].

Повсюду воцарилось глубокое торжественное молчание; «внимало всё тогда любимцу и певцу Авроры» [«Осел и Соловей»], *то есть собственно зари, пробудившую спавшую московскую Русь, — внимало всё, но не всё хотело сознаться и показать вид, что внимает. Бесхитростная и откровенная публика внимала и не скрывала своего мнения; некоторые господа «внимали свист уже привычным ухом»* [«История стихотворца»], *уставясь в землю лбом* [«Осел и Соловей»] (М.А. Антонович «Свисток» и его время <1863>).

Комплексной интертекстовой единицей можно считать шуточное соединение стихов из разных поэтических произведений (центон), например:

*Ночь, улица, фонарь, аптека
Затеяли играть квартет.
Живи еще хоть четверть века
Дери смычком — всё толку нет.
Навозну кучу разрывая,
Летит кибитка удалая и т.д.*

(Поиграем? Немножко центонов по Крылову <2008>. URL: <http://rezoner.livejournal.com>).

Показательно, что речевые модификации, в том числе и фразеологические контаминации, воспринимаются не только как закономерное явление, но и становятся особым аспектом при функциональном описании русской фразеологии [27. С. 174].

8. БАСЕННЫЕ ПЕРСОНАЖИ КАК ИНТЕРТЕКСТОВЫЕ ЕДИНИЦЫ

Несколько слов о литературных образах как проявлении цитатной рефлексии. При ослаблении собственно цитатной функции возникает отсылка к басенному образу как представителю цитаты (крылатого выражения) или целого текста. Для словарной обработки Крылова — это, прежде всего, имена персонажей животных (*Медведь, Лев, Обезьяна, Орёл, Ворона, Ворон, Собака, Лошадь, Лисица* и др.), имеющие полидискурсивную и монодискурсивную ориентацию. Однако образ может присутствовать эксплицитно, втягивая в цитирование басенный текст.

Один зооним может соотноситься с разными баснями, соответственно за каждым стоит свой цитатный ряд и свой мотивационный процесс, при этом нередко происходит эпонимическая переориентация [28. С. 116] Так, басня Крылова «Ворона» (1825) иногда ошибочно в филологических работах называется иначе — «Ворона в павлиньих перьях». Такая интерпретационная вольность дала жизнь и фразеологизму *ворона в павлиньих перьях*, в словарях крылатых слов возводимому к басне Крылова. Однако здесь мы имеем дело с недоразумением. Предшественники Крылова обращались к мотиву, положенному в основу басни, при этом показательно, что и само название басни имеет деривационную историю: Эзоп — «Сойка и Голуби», Федр — «Надменная Галка и Павлин», Лафонтен — «Сойка, украшенная перьями Павлина», Сумароков — «Коршун в павлиньих перьях», Херасков — «Сорока в чужих перьях», Хвостов — «Ворона в павлиньих перьях». Имплицируя фразеосемантическую заголовочную модель, Крылов дает новое название — «Ворона», явно имея в виду непосредственно текст и название басни Д.И. Хвостова [29. С. 47], сохраняя при этом и употребленный предшественником словообразовательный вариант «*павлиным*»: «*Утыкавши себе павлиным перьем хвост, Ворона с Павами пошла гулять спесиво*». Как это нередко и бывало у Крылова, его басенный текст сосредоточивает и перерабатывает «чужое», превращая в «свое». Еще раз отметим, что в научных работах и словарях крылатых слов выражение *Ворона в павлиньих перьях* нередко соотносится только с Крыловым, однако эта связь будет опосредованной. Такое положение вообще характерно для интертекстовой деривации в целом и в словарях крылатых слов должно снабжаться соответствующими пометами и комментированием. Крылатое выражение употребляется в словообразовательно модернизированном виде (*павлиных > павлиньих*):

...Вы [Краевский] нас притесняли, эксплуатировали нами [так в источн.], приписывали себе наши труды и щеголяли, как известная птица павлиньими перьями (И.И. Панаев. Литературные воспоминания <1861>);

Анна Акимовна всегда боялась, чтобы не подумали про нее, что она гордая, выскочка или ворона в павлиньих перьях (А.П. Чехов. Бабье царство <1894>).

Однако именно собственно крыловский текст басни продуктивен в цитировании:

«Так вот та литературная известность, которой я добивался?» — говорит фельетонист, поправляя разбитые очки, перевязанные ниточкой, и вместо слез по лицу его катятся капли холодного пота; а внутренний голос пробуждается

в нем последний раз, указывает ему на его бессилие и ничтожество и с злобною насмешкою говорит ему: **И если карлой сотворён, То в великаны не тянися!** (И.И. Панаев. Петербургский фельетонист <1841>).

Ряд употребления цитат мог бы быть продолжен:

*По образу своих мыслей и по темпераменту Крылов был несомненный консерватор — не в политическом смысле, а в обыденном, так как ни о какой политике он никогда не думал <...> В басне «Ворона в павлиньих перьях» Крылов говорил о том, что каждый должен **держаться звания, в котором рождён** и что **простолюдин со знатью не должен родниться** (Н.А. Котляревский. Литературные направления Александровской эпохи <1907>);*

*<...> философ и политик вместе, больше, нежели кто-нибудь, напоминает Матрёну Крылова: **и сделалась моя Матрёна ни Пава, ни Ворона** (В.Г. Белинский. Повести и рассказы П. Каменского <1838>);*

*Пословиц в собственном смысле Крылов использовал мало <...> Отражением народных пословиц считаем еще: <...> **зовёт он смерть: она у нас не за горами, а за плечами** (Крестьянин и Смерть);*

***Что ж вышло? новая родня ей колет глаз поперком** (Ворона) (А.С. Орлов. Язык русских писателей <1948>);*

*Зиждущий талант Иронианского оказывается чужим талантом, внимательное изучение Маколея оказывается призраком; **павлиньи перья** взяты на прокат, да ещё без спросу; блестящая лекция не что иное, как тайный перевод с французского (Д.Н. Писарев. Наша университетская наука <1863>).*

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Интертекстовая энергия басен Крылова, входящих в круг русской словесной культуры, направлена от исходной морали как основы произведения к вовлечению в явное или скрытое цитирование фрагментов, соотносимых с нарративными сопроводителями, косвенной событийностью, развитием разнообразных структурно-семантических парадигм и основана на определенной организации используемых единиц: «Инвентаризация языкового (прежде всего паремиологического) материала позволяет уточнить перечень ценностей, выделить ядро и периферию состава» [30. С. 306; 31. С. 687; 32. С. 73]. При этом описание интертекстовых единиц может быть ориентировано на два пути учета и обработки материала.

Во-первых, это обращение к «ядерной» части круга словесной культуры. Количество произведений того или иного автора здесь обычно относительно невелико, но велико количество самих авторов, представленных словарях. Такой подход осуществлен в классических изданиях М.И. Михельсона, Н.С. и М.Г. Ашукиных, В.П. Беркова, В.М. Мокиенко, С.Г. Шулежковой. Крылов в целом представлен примерно 50—60 словарными статьями.

Во-вторых, возможны словари, посвященные интертекстовому потенциалу одного автора, когда учитывается практически всё или почти всё, что выходит за рамки исходного текста, количество словарных статей увеличивается в разы, что позволяет определить статус авторской идиоматики в интертекстовой картине мира. Расплывчатость понятия «современная русская фразеология» с точки зрения хронологических показателей [33. С. 399] позволяет говорить о преемственности и востребованности классического текстового наследия. Становится возможным осмыслить цитирование в широком понимании как употребление авторского

слова за рамками авторского текста, консервативность ведет к обновлению старого [34. С. 40]. Учету подлежат разнородные цитатные единства: фразеологизмы, паремии, собственно цитаты, нередко обыгрываемые, слова-сегменты этих единств, литературные образы. Интертекстовая динамика является функциональным условием жизни этого материала. Это прежде всего многочисленные изменения, фразеосеманическое моделирование, сегментация, дисперсность, фразеологическое и интертекстовое контаминирование, ассоциативная подвижность. Показательно, что прошедшие два века показали последовательную преемственность и значительное типологическое сходство в чередовании бесконечных употреблений басенного слова Ивана Андреевича Крылова.

© Сидоренко К.П., 2019

Дата поступления: 1.02.2019

Дата приема в печать: 15.03.2019

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. *Виноградов В.В.* Язык и стиль басен Крылова // Виноградов В.В. Избранные труды. Язык и стиль русских писателей от Карамзина до Гоголя. М.: Наука, 1990. С. 148—181.
2. *Шулежкова С.Г.* Крылатые выражения русского языка, их источники и развитие. М.: Азбуковник, 2001.
3. *Степанов Ю.С.* Константы: словарь русской культуры. М.: Академический проект, 2004.
4. *Skládana J.* Slová z hlbín dávnych vekov. Bratislava: Veda, 1999.
5. *Mokienko V.M.* Intertexteme und Text in slavischen Sprachen // Funktionale Beschreibung slavischer Sprachen: Beiträge zum XIII. Internationalen Slavistenkongress in Ljubljana. Hrsg. Tilman Berger, Karl Gutschmidt. München: Verlag Otto Sagner, 2003. P. 162—186.
6. *Крылов И.А.* Басни. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1956.
7. *Сидоренко К.П.* О концепции словаря интертекстовых единиц из басен И.А. Крылова // Вопросы лексикографии. 2016. № 1 (9). С. 40—63. doi: 10.17223/22274200/9/4/.
8. *Ломакина О.В.* Фразеология в тексте: функционирование и идиостиль. М.: Рос. ун-т дружбы народов, 2018.
9. *Rak M.* Regionalizmy frazeologiczne — nowe ujęcia zagadnienia // *Polszczyzna mówiona ogólna i regionalna*. Kraków: Uniwersytet Jagelloński, 2008. P. 161—170.
10. *Pstryga A.* Czytając rosyjską publicystykę: semantyka rozumienia, interpretacja, przekład i frazeografia rosyjsko-polska // *Przegląd rusycystyczny*. 2008. No 4 (124). P. 58—69.
11. *Никитина Т.Г.* Фразеологические трансформации в лексикографическом отображении (из песни слова не выкинешь) // Жизнь фразеологии — фразеология в жизни: сборник научных статей к юбилею профессора А.М. Мелерович / отв. ред. и сост. И.Ю. Третьякова. Кострома: Изд-во Костром. гос. ун-та, 2018. С. 236—244.
12. *Пьеге-Гро Н.* Введение в теорию интертекстуальности. М.: Изд-во ЛКИ, 2008.
13. *Гордин М.А.* Отечественная война 1812 года на фоне басен И.А. Крылова. СПб.: Изд-во «Пушкинского фонда», 2012.
14. *Кеневич В.Ф.* Библиографические и исторические примечания к басням Крылова. СПб.: Тип. И.И. Глазунова, 1878.
15. *Walter H.* Procesy nicologizacji we współczesnej frazeologii rosyjskiej i słowiańskiej // *Przegląd rusycystyczny*. 2008. No 4 (124). P. 27—39.
16. *Федотова К.С.* Поэтонимография как новое направление авторской лексикографии // Вопросы лексикографии. 2017. № 11. С. 39—53. doi: 10.17223/22274200/11/3.
17. *Ковиова М.Л.* Лингвокультурологический метод во фразеологии: Коды культуры. М.: ЛЕНАНД, 2016.
18. *Бредис Е.М., Бредис М.А.* Антипословицы в роли газетных заголовков (на материале публикаций германских СМИ) // Полипарадигмальные контексты фразеологии в XXI веке: материалы междунар. науч. конф. Тула: ТППО, 2018. С. 209—214.

19. *Mieder W.* Proverbs are never out of Season Popular wisdom in the Modern Age. New York: Oxford Univ. Press, 1993.
20. *Chlebda W.* Fatum i nadzieja: Szkice do obrazu samoświadomości językowej dzisiejszych Rosjan. Opole: Uniwersytet Opolski, 1995.
21. *Гайнанишин М.В., Чаньшиева З.З.* Интердискурсивный характер смыслового развертывания кореферентных метафор // Вестник РУДН. Серия: Лингвистика. 2016. Т. 20 (1). С. 43—56.
22. *Бабкин А.М.* Русская фразеология, ее развитие и источники. Л.: Наука, 1970.
23. *Молотков А.И.* Основы фразеологии русского языка. Л.: Наука, 1977.
24. *Naciscione A.* Phraseological Units in Discourse: towards applied Stilistics. Riga: Latvian Academy of Culture, 2001.
25. *Mlacek J.* K internacionalizácii súčasnej slovenskej frazeológii // Mlacek J. Štúdie a state o frazeológii. Ružomberok: Katolícka univerzita, 2007. P. 243—260.
26. *Данилевская Н.В.* Макротекст // Стилистический энциклопедический словарь русского языка. М.: Флинта, 2003. С. 216—221.
27. *Колобова Е.А.* К вопросу о характеристике контаминированных фразеологизмов // Вестник Костром. гос. ун-та. 2008. № 4. С. 174—176.
28. *Дядечко Л.П.* «Крылатый слова звук», или Русская эптология: учебное пособие. Киев: Изд-во Киев. ун-та, 2006.
29. *Хвостов Д.И.* Избранные притчи из лучших сочинителей российскими стихами. СПб.: При Импер. Акад. наук, 1802.
30. *Ломакина О.В., Мокиенко В.М.* Ценностные константы русинской паремиологии (на фоне украинского и русского языков) // Русин: междунар. исторический журнал. 2018. Т. 54. Вып. 4. С. 303—317. doi: 10.17223/18572685/54/18.
31. *Kováčová V.* Frazeologická kompetencia slovenskej strednej generácie (na materiáli biblickej frazeológii) // Słowo. Tekst. Czas. XI: Frazeologia słowiańska w aspekcie onomazjologicznym, lingwokulturologicznym i frazeograficznym. Red. M. Hordy, W. Mokijenko, T. Szutkowski, H. Walter. Szczecin; Greifswald: Uniwersytet Szczeciński, 2012. P. 686—693.
32. *Бухаркин П.Е.* Интертекстуальность и риторическая словесность (предварительные замечания) // Интертекстуальный анализ: принципы и границы. СПб.: Изд-во СПбГУ, 2018. С. 65—79.
33. *Дидковская В.Г.* Современная фразеология: словарь и текст // Литературная и диалектная фразеология: история и развитие. Вел. Новгород: Изд-во Новгор. гос. ун-та, 2011. С. 399—403.
34. *Stepanowa L.* Frazeologia rosyjska dzisiaj // Przegląd rusycystyczny. 2008. No 4 (124). P. 40—49.

УДК 821.161.1-191:81'373

DOI: 10.22363/2313-2299-2019-10-2-238-255

QUOTES FROM THE FABLES OF IVAN ANDREEVICH KRYLOV IN RUSSIAN SPEECH (The 250-th anniversary of the birth)

K.P. Sidorenko

Herzen State Pedagogical University of Russia,
Moika River Embankment, 48, St. Petersburg, Russia, 191186

Abstract. The article is devoted to some questions of functioning of quotation units from I.A. Krylov's fables (actually quotations, literary images, winged expressions and phraseological units created on their basis). The author's word is considered from the standpoint of intertext dynamics, taking into account

the complex problems of intertext derivation associated with variation, normative mobility, frequency, segmentation, associative activity, polydiscursivity, diversity and inconsistency of illustrative contexts, types of intertextile contaminations on the background of the phraseological contamination. Intertextual energy of the fable, within the terms of the Russian verbal culture, directed from the source of morality as the foundation works to engage in explicit or implicit citation of the fragments, correlated with the narrative escorts, consequential historical events and the development of a variety of structural-semantic paradigms and based on a specific organization of the units used. Description of intertext units can be focused on two ways of accounting and processing of material. First, it is an appeal to the “nuclear” part of the circle of verbal culture. The number of works of an author is usually relatively small, but a large number of authors themselves. In the dictionaries of the winged expressions as a whole is represented by about 50—60 dictionary entries of Krylov. Secondly, there may be publications on the intertext potential of one author, when taken into account almost all or almost everything that goes beyond the source text, the number of dictionary entries increases significantly, which allows to determine the status of the author’s idioms in the intertext picture of the world. In this case, it becomes possible to understand the citation in the broadest sense as the use of the author’s word outside the author’s text. The revised citation heterogeneous unity: idioms, actual quotes, often playing off of segments of these unities, literary images. Intertext dynamics is a functional condition for the life of this material. It is primarily numerous changes frazeological modeling, segmentation, dispersion, associative movement. It is significant that the past two centuries have shown consistent continuity and significant typological similarity in a series of endless uses of the fabled word Krylov.

Key words: quote, intertextual unit, interactive space, idioms, segmentation, functional dispersion, contamination, associativity, polydiscursivity

REFERENCES

1. Vinogradov, V.V. (1990). Language and style of Krylov’s fables. In *Vinogradov, V.V. Selected works. Language and style of Russian writers from Karamzin to Gogol*. Moscow: Nauka. pp. 148—181. (In Russ.).
2. Shulezhkova, S.G. (2001). Winged expressions of the Russian language, their sources and development. Moscow: Azbukovnik. (In Russ.).
3. Stepanov, Y.S. (2004). Constants: Dictionary of Russian culture. Moscow: Academic project. (In Russ.).
4. Skládana, J. (1999). Words from the depths of ancient ages. Bratislava: Veda. (In Slovak.).
5. Mokienko, V.M. (2003). Intertexteme and Text in Slavic languages. *Berger, T., Gutschmidt, K., editors. Functional description of Slavic languages: Contributions to the XIII International Slavist Congress in Ljubljana*. Munich, Otto Sagner. pp. 162—186. (In Germ.).
6. Krylov, I.A. (1956). Fables. Moscow, Leningrad, USSR Acad. of Sci. Publ. (In Russ.).
7. Sidorenko, K.P. (2016). On the principles of the dictionary of intertextual units from I.A. Krylov’s fables, *Russian Journal of Lexicography*, 1 (9), 40—63. doi: 10.17223/22274200/9/4/. (In Russ.).
8. Lomakina, O.V. (2018). Phraseology in the text: functioning and idiostyle. Moscow: RUDN Publ. (In Russ.).
9. Rak, M. (2008). Phraseological regionalism — new staff issue. In *Polish spoken General and regional*. Cracow, Jagiellonian Univ. Publ. pp. 161—170. (In Pol.).
10. Pstryga, A. (2008). Reading Russian journalism: semantics of understanding, interpretation, translation and Russian-Polish phraseography. *Russian Studies Review*, 4 (124), 58—69. (In Pol.).
11. Nikitina, T.G. (2018). Phraseological transformations in lexicographic representation (you can’t throw words out of a song). *Tretyakov I.Yu., editor. Life phraseology — phraseology in the life: a compilation of scientific articles to the anniversary of Professor A. M. Melerovich*. Kostroma: Kostroma Univ. Press. pp. 236—244. (In Russ.).
12. Piegay-Gros, N. (2008). Introduction to the theory of intertextuality. Moscow: LKI Publ. (In Russ.).

13. Gordin, M.A. (2012). Patriotic war of 1812 against the background of I.A. Krylov's fables. Saint Petersburg: Pushkin Foundation Publ. (In Russ.).
14. Kenevich, V.F. (1878). Bibliographic and historical notes to Krylov's fables. Saint Petersburg, Glazunov. (In Russ.).
15. Walter, H. (2008). Processes of neologisation in contemporary Russian and Slavic phraseology. *Russian Studies Review*, 4 (124), 27—39. (In Pol.).
16. Fedotova, K.S. (2017). Poetonymography as a new field of author lexicography. *Russian Journal of Lexicography*, 11, 39—53. doi: 10.17223/22274200/11/3. (In Russ.).
17. Kovshova, M.L. (2016). Linguistic and cultural method in phraseology: Culture Codes. Moscow: LENAND. (In Russ.).
18. Bredis, E.M. & Bredis, M.A. (2018). Antislavery in the role of newspaper headlines (based on publications of the German media). In *Multiparadigm contexts phraseology in the twenty-first century*: Proceedings of the intern. sci. conf. Tula, TPPO. pp. 209—214. (In Russ.).
19. Mieder, W. (1993). Proverbs are never out of Season Popular wisdom in the Modern Age. New York: Oxford Univ. Press.
20. Chlebeda, V. (1995). Fate and hope: Sketches for the image of language self-consciousness of today's Russians. Opole: Opole Univ. Press. (In Pol.).
21. Gaynanshin, M.F. & Chanysheva, Z.Z. (2016). Interdiscursive character of Semantic development of coreferential metaphors. *Russian Journal of Linguistics*, 20 (1), 43—56. (In Russ.).
22. Babkin, A.M. (1970). Russian phraseology, its development and sources. Leningrad: Nauka. (In Russ.).
23. Molotkov, A.I. (1977). Fundamentals of phraseology of the Russian language. Leningrad: Nauka. (In Russ.).
24. Naciscione, A. (2001). Phraseological Units in Discourse: towards applied Stilistics. Riga: Latvian Acad. of Culture Publ.
25. Mlacek, J. (2007). The internationalisation of contemporary Slovak phraseology. In *Mlacek, J. Studies and state on phraseology*. Ruzomberok: Catholic Univ. Press. pp. 243—260. (In Slovak).
26. Danilevskaya, N.V. (2003). Macrotext. In *Encyclopedic Dictionary of Russian Language Stilistics*. Moscow: Flinta. pp. 216—221. (In Russ.).
27. Kolobova, E.A. (2008). To the question about the characteristics of the contaminated idioms. *Vestnik of Kostroma state University*, 4, 174—176. (In Russ.).
28. Dyadechko, L.P. (2006). "Winged words sound", or Russian eptology: textbook. Kiev: Kiev Univ. Press. (In Russ.).
29. Khvostov, D.I. (1802). Selected parables from the best writers of Russian poems. Saint Petersburg: Imper. Acad. of Sci. (In Russ.).
30. Lomakina, O.V. & Mokienko, V.M. (2018). Value constants of Rusyn paremiology (against the background of Ukrainian and Russian languages), *Rusin*, 54 (4), 303—317. doi: 10.17223/18572685/54/18. (In Russ.).
31. Kováčová, V. (2012). Phraseologic competence of Slovak middle generation (on the Bible materials). In *Hordy, M., Mokijenko, V., Shutkovski, T., Walter, H., editors. Word. Text. Time. XI. Slavonic phraseology in onomasiologic, linguistic, cultural and phraseographic aspects*. Szczecin; Greifswald: Szczecin Univ. Press. pp. 686—693. (In Slovak).
32. Bukharkin, P.E. (2018). Intertextuality and rhetorical literature (preliminary remarks). *Intertextual analysis: principles and boundaries*. Saint Petesburg: St. Petersburg Univ. Press. pp. 65—79. (In Russ.).
33. Didkovskaya, V.G. (2011). Modern phraseology: dictionary and text. In *Literary and dialect phraseology: history and development*. Velikiy Novgorod: Novgorod Univ. Press. pp. 399—403. (In Russ.).
34. Stepanowa, L. (2008). Russian phraseology today, *Russian Studies Review*, 4 (124), 40—49. (In Pol.).

Для цитирования:

Сидоренко К.П. Цитаты из басен Ивана Андреевича Крылова в русской речи (к 250-летию со дня рождения) // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Теория языка. Семиотика. Семантика. Т. 10. № 2. С. 238—255. doi: 10.22363/2313-2299-2019-10-2-238-255.

For citation:

Sidorenko, K.P. (2019). Quotes from the fables of Ivan Andreevich Krylov in Russian speech (the 250-th anniversary of the birth). *RUDN Journal of Language Studies, Semiotics and Semantics*, 10 (2), 238—255. doi: 10.22363/2313-2299-2019-10-2-238-255.

Сведения об авторе:

Сидоренко Константин Павлович — доктор филологических наук, профессор, профессор кафедры русского языка Российского государственного педагогического университета им. А.И. Герцена; *сфера научных интересов*: русская фразеология; *e-mail*: sidorenko274@yandex.ru

Information about the authors:

Sidorenko Konstantin Pavlovich, Doctor of Philology, Professor at the Department of Russian Language, Herzen State Pedagogical University of Russia, *Interests*: Russian Phraseology; *e-mail*: sidorenko274@yandex.ru